

ВАН ГОГ ЖИЗНЬ

Стивен Найфи
Грегори Уайт-Смит

ВАН ГОГ ЖИЗНЬ

Том I

Санкт-Петербург

УДК 7.07
ББК 85
Н20

Steven Naifeh and Gregory White Smith
VAN GOGH: THE LIFE
Copyright © 2011, 2012 by Woodward/White, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского
Оксаны Якименко (пролог, гл. 1–2, 16–25), Елены Желтовой (гл. 3–15)
под общей редакцией Анны Щениковой-Архаровой

Оформление обложки Валерия Гореликова

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

ISBN 978-5-389-11785-3 (т. 1)
ISBN 978-5-389-06935-0 (комплект)

© О. Якименко, перевод (пролог, гл. 1–2, 16–25), 2016
© Е. Желтова, перевод (гл. 3–15), 2016
© А. Щеникова-Архарова, перевод примечаний, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Мы с благодарностью посвящаем эту книгу нашим матерям, Мэрион Найфи и Кэтрин Уайт-Смит, которые первыми открыли нам радость искусства, и всем мастерам Школы искусств Джуллиард, которые привнесли в нашу жизнь столько счастья.

*С. Н.
Г. У.-С.*

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. НЕИСТОВОЕ СЕРДЦЕ	15
--------------------------------	----

Часть первая РАННИЕ ГОДЫ 1853–1880

Глава 1. ПЛОТИНЫ И ДАМБЫ	23
Глава 2. ФОРПОСТ НА ПУСТОШИ	33
Глава 3. СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК	54
Глава 4. БОГ И ДЕНЬГИ	75
Глава 5. ДОРОГА В РЕЙСВЕЙК	96
Глава 6. ИЗГНАНИЕ	116
Глава 7. ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ	139
Глава 8. ПУТЬ ПАЛОМНИКА	163
Глава 9. О ИЕРУСАЛИМ, О ЗЮНДЕРТ!	188
Глава 10. НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ	208
Глава 11. «DAT IS NET»	224
Глава 12. ЧЕРНАЯ СТРАНА	252
Глава 13. СТРАНА КАРТИН	275

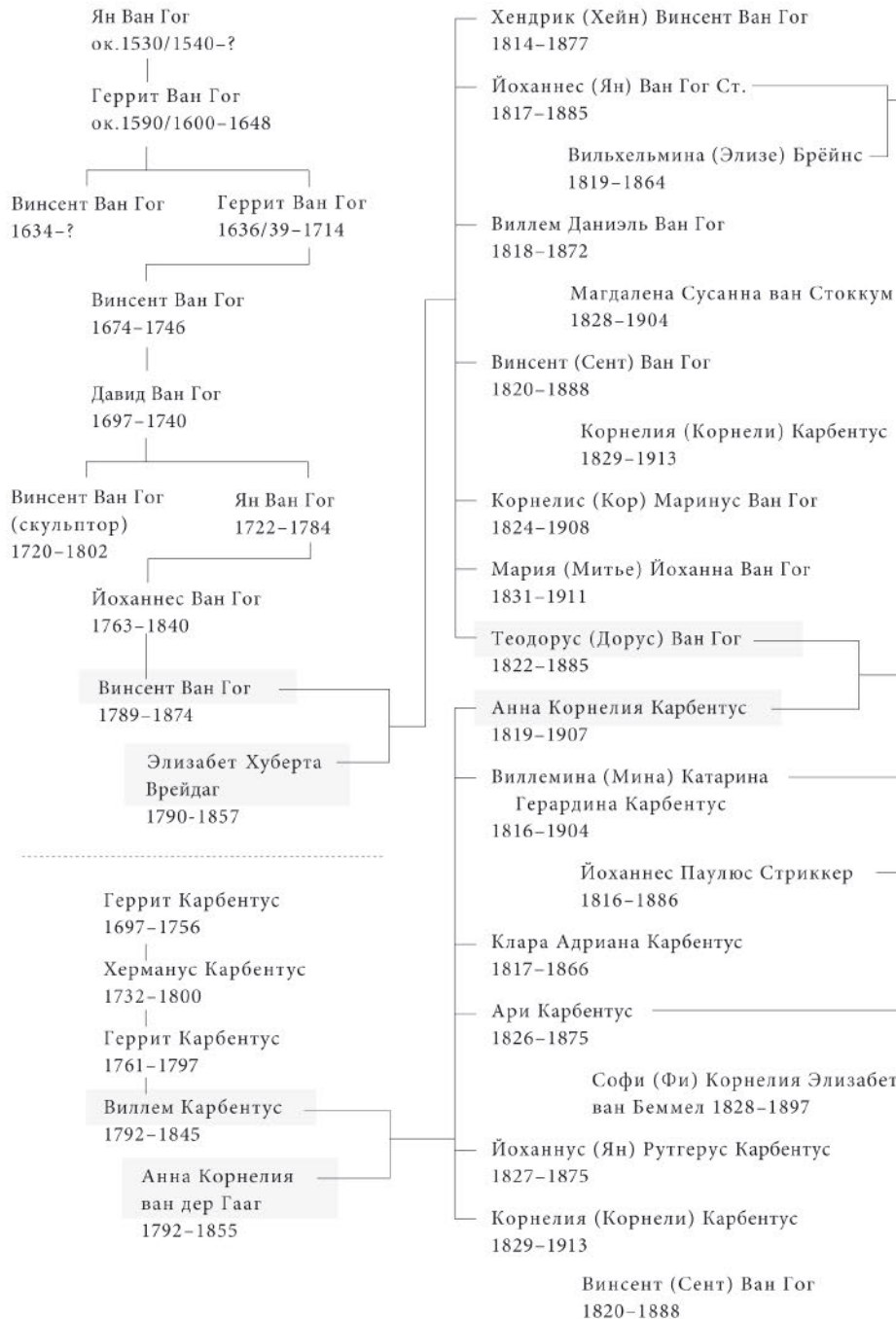
Часть вторая ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕРИОД 1880–1886

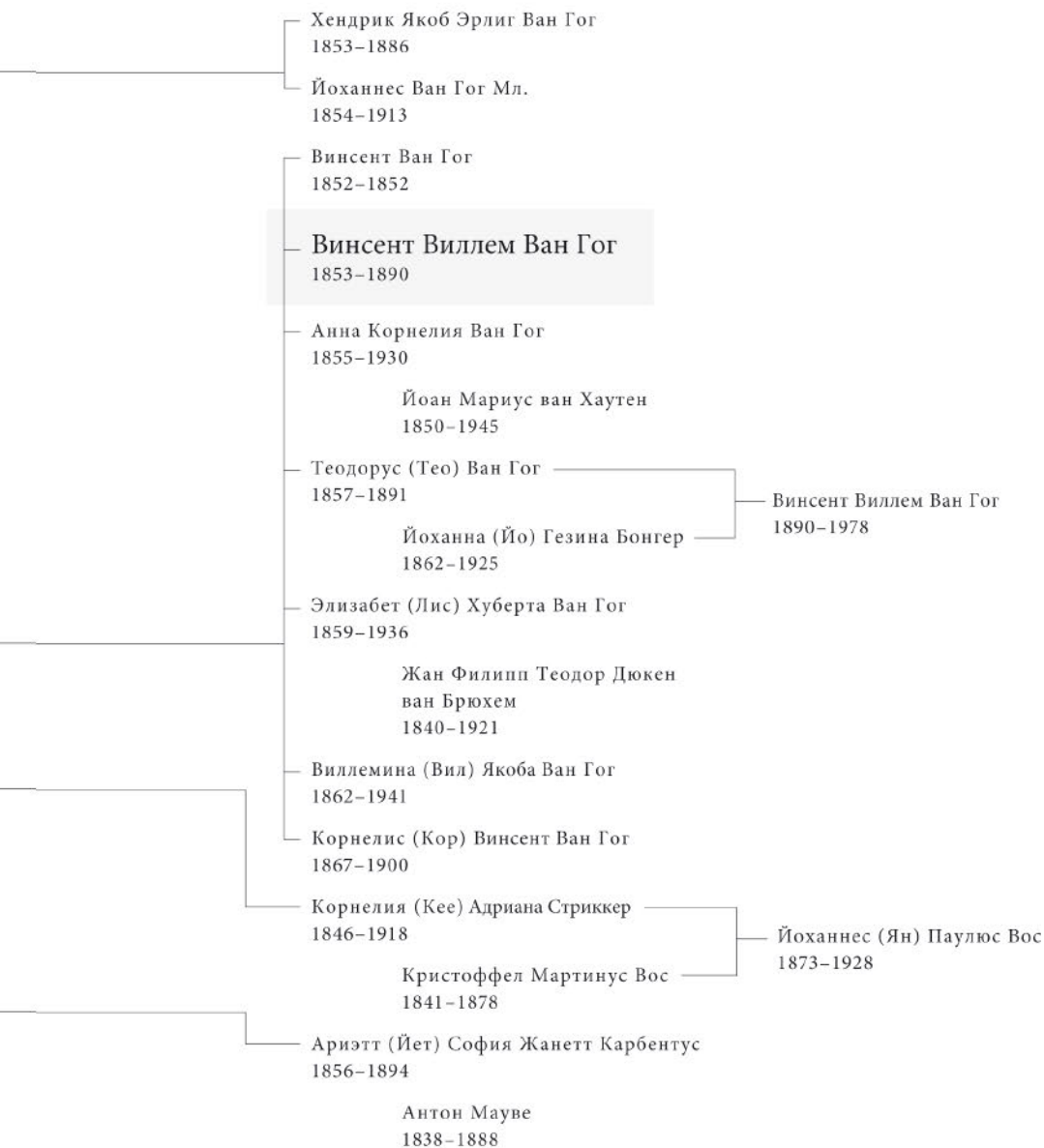
Глава 14. ЛЕДЯНЫЕ СЕРДЦА	287
Глава 15. AIMER ENCORE	307
Глава 16. РУКА РИСОВАЛЬЩИКА	326

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 17. МОЕ МАЛЕНЬКОЕ ОКОШКО	356
Глава 18. ВЕЧНЫЙ СИРОТА	389
Глава 19. ИАКОВ И ИСАВ	421
Глава 20. ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ	445
Глава 21. УЗНИК	467
Глава 22. LA JOIE DE VIVRE	497
Глава 23. ВОДЯНОЙ	515
Глава 24. ЗЕРНО БЕЗУМИЯ	535
Глава 25. НА ОДНОМ ДЫХАНИИ	573
Глава 26. УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ	594
Примечания	624
Список библиографических сокращений	749
Список иллюстраций	761

Генеалогическое древо семьи Ван Гог–Карбентус

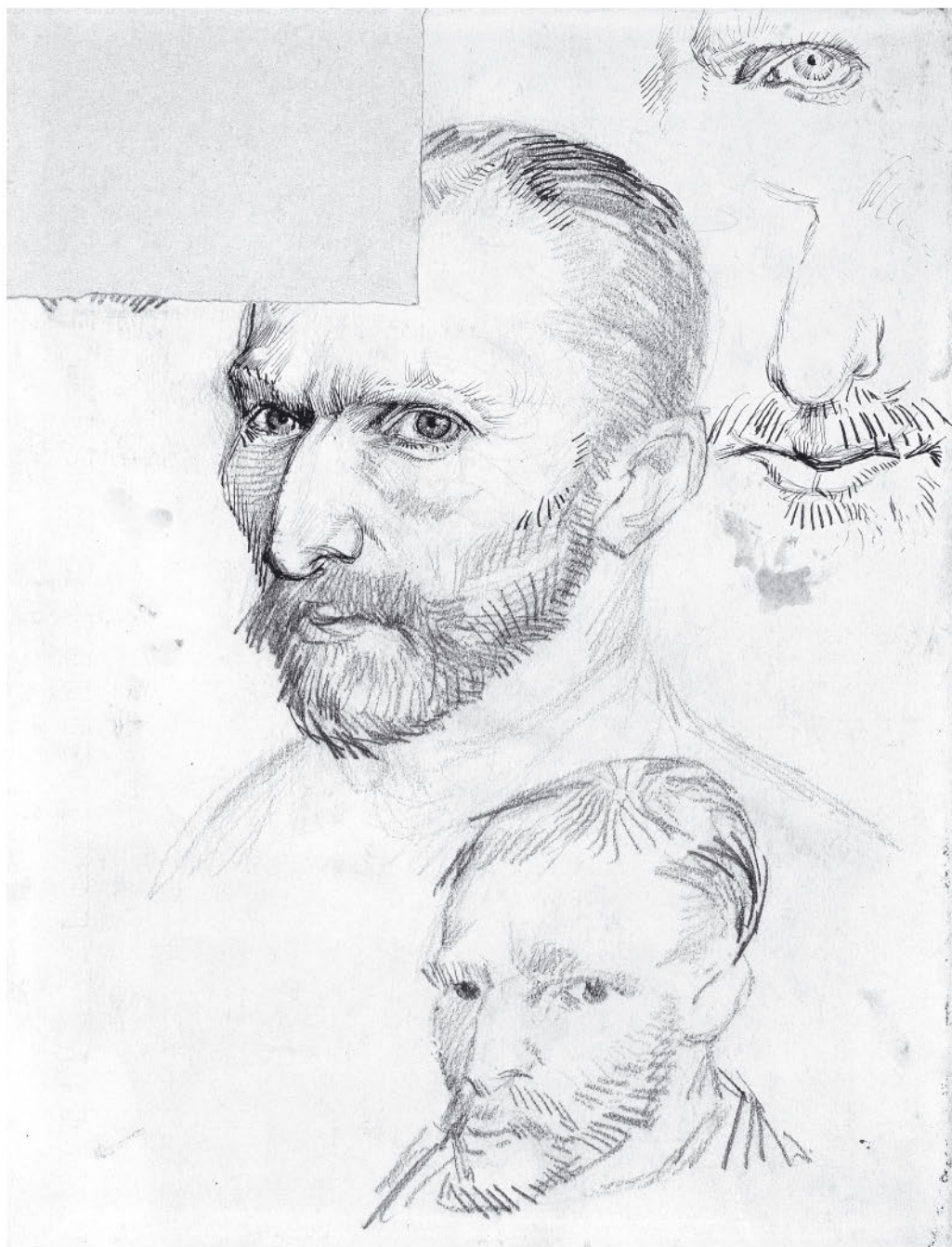
География
путешествий
Ван Гога

Винсент Ван Гог

Два автопортрета. Перо, чернила, карандаш. 1887. 31,1 × 24,4 см

ПРОЛОГ

НЕИСТОВОЕ СЕРДЦЕ

Винсент «себя ранил», — прочел он в письме. Подробностей не было, но Тео заподозрил худшее и бросился на вокзал. Он сел на ближайший поезд до Овера, в голове теснились тягостные воспоминания и мрачные предчувствия.

Сухое, лаконичное послание тотчас вызвало в памяти Тео телеграмму от Поля Гогена, извещавшую его, что Винсент серьезно болен. В тот раз, примчавшись в Арль, он обнаружил брата в изоляторе местной больницы: голова в бинтах и полное расстройство сознания.

Чего ждать теперь?

В подобные моменты — сколько их уже было! — Тео возвращался мыслями в детские годы, к тому Винсенту, которого он знал тогда: старший брат — неумный, вспыльчивый, но всегда переполненный новыми идеями, бесконечно отзывчивый, готовый удивляться и удивлять. Гуляя по полям и лесам в окрестностях родного Зюндерта, Винсент открывал брату глаза на красоты и тайны природы. Зимой он учил Тео кататься на коньках и санках, летом — строить песчаные замки. В церкви (по воскресеньям) и дома (под аккомпанемент фортепиано в гостиной) он пел — чистым уверенным голосом. В их общей комнате под крышей допоздна не смолкали разговоры. Восторженную привязанность младшего брата к старшему в семье окрестили «поклонением», и сам Тео даже десятки лет спустя не без гордости признавался в своем «обожании».

Винсент, с которым рос Тео, — заводила и авантюрист, вдохновитель и строгий судья, жадный собиратель знаний, насмешливый

критик, веселый товарищ по играм, кумир, — как мог *этот* Винсент, его Винсент, превратиться в истерзанного душевной болезнью страдальца?

Тео казалось, что он знает ответ: Винсент — жертва своего неистового сердца.

«В его манере разговаривать есть нечто, из-за чего люди либо очаровываются им, либо находят его невыносимым, — пытался объяснить свою мысль младший брат. — Он не щадит ничего и никого». В том возрасте, когда безумным порывам юности давно следовало остаться в прошлом, Винсент продолжал жить по их жестоким правилам. Титанические, неукротимые страсти пронизывали всю его жизнь. «Я фанатик!» — заявлял Винсент в 1881 г. «Я ощущаю в себе силу... огонь, который нельзя погасить, который необходимо поддерживать». Он, как ребенок, с головой уходил в любое увлекательное занятие, не видя и не слыша ничего вокруг. Так он охотился на жуков по берегам ручьев в Зюндерте, собирал и каталогизировал гравюры, проповедовал Евангелие, лихорадочно поглощал сочинения Шекспира или Бальзака, изучал принципы взаимодействия цветов. Даже газеты он читал «яростно».

Одержимость то одной, то другой всепоглощающей страстью постепенно превратила странного мальчика, чей буйный нрав приводил в замешательство близких, в неприкаянного, измученного скитальца — изгнанника в мире людей, чужого в собственной семье, врага самому себе. Никто лучше Тео, пристально следившего (посредством писем — их почти тысяча) за каждым шагом брата по тернистому пути жизни, не знал, какие неумолимые требования предъявлял Винсент к себе и другим и какими неразрешимыми проблемами это для него оборачивалось. Никто лучше младшего брата не понимал, каким одиночеством, каким разочарованием заплатил старший за свои безоглядные, заранее обреченные попытки совладать с жизнью. И никто лучше Тео не знал, насколько бесполезно предупреждать Винсента о том, что главная опасность для него — он сам. «Меня страшно злит, когда мне говорят, что, дескать, в море выходить опасно, — писал Винсент брату, призывавшему его к осмотрительности. — Но и в самом сердце опасности найдется тихое место».

Что же удивительного в том, что неистовый темперамент художника породил столь же неистовое искусство?

Сад купальни. Тростниковое перо, кисть, чернила. Август 1888. 60,7 × 49,2 см

Тео знал, какие слухи ходят о его брате. «C'est un fou»*, — говорили о нем. Еще до событий, происшедших полтора года назад в Арле, еще до скитаний Винсента по больницам и психиатрическим лечебницам, публика уже отказывалась признать его творчество — работы сумасшедшего не заслуживают внимания. «Плод больного сознания» — так отозвался о живописи Винсента один критик: чем еще можно объяснить искаженные формы и непостижимые цвета?

Тео и сам годами безуспешно пытался обуздать норовистую кисть брата. Ну зачем так густо «намазывать» краску на холст? Ну зачем так спешить: не успев закончить одну работу, хвататься за другую? («Иногда я работаю с невероятной скоростью. Разве это недостаток? Я не могу иначе»). Тео снова и снова повторял Винсенту: коллекционерам подавай тщательность и завершенность, им не нужны бессчетные конвульсивные наброски, которые Винсенту угодно считать «картинами, полными живописи».

С каждым стуком, с каждым толчком поезда Тео приближался к месту последней катастрофы, и в ушах все громче раздавался гул лет, гул презрения и насмешек. Долгое время — из семейной ли гордости, из братской любви — Тео отвергал все обвинения в безумии: Винсент просто неординарная личность, Дон Кихот, сражающийся с ветряными мельницами, возможно — благородный чудаки, но не сумасшедший. После Арля все изменилось. Теперь Тео рассуждал так: «Многие художники сходили с ума, но при этом начинали создавать настоящее искусство... Пути гения неисповедимы».

И самым непостижимым был путь Винсента. За неудачным стартом в должности сотрудника преуспевающей на рынке искусства фирмы «Гупиль и К°» последовала шальная попытка стать священником странствующей евангелической миссии, за ней — краткий заход в область журнальной иллюстрации и наконец — короткая, словно вспышка, карьера живописца. Вулканический темперамент Винсента вещественно воплотился в немыслимом количестве произведений, которые были созданы за немногие годы художественной активности и беспорядочной жизни. Безвестные работы Ван Гога** копились в чуланах, на чердаках и в пустующих комнатах у родителей, у друзей и кредиторов.

* «Он сумасшедший» (фр.).

** Следуя традиции, сложившейся в русскоязычной литературе о Винсенте Ван Гоге, в настоящем издании фамильная приставка «ван» в фамилии художника (и членов его семьи) пишется с прописной буквы; во всех остальных случаях, в соответствии с общими правилами написания голландских имен, — со строчной. (Примеч. ред.)

Тео был убежден: по-настоящему понять глубоко личное искусство брата можно, лишь проследив мучительное становление его характера на всем мучительном, омытом слезами пути. Это ответ всем тем, кто небрежно отмахнулся от картин — и писем — Винсента, сочтя их болезненными вывертами несчастного психопата. Тео настаивал: только пытаясь понять Винсента изнутри, можно надеяться увидеть и почувствовать его искусство так, как видел и чувствовал его сам художник. Всего за несколько месяцев до трагической поездки в Овер Тео отослал благодарственное письмо первому критику, осмелившемуся похвалить работу брата: «Вы проникли в картины и сумели разглядеть человека».

Роль биографии в искусстве занимала не только Тео, но и весь художественный мир конца XIX в. Эмиль Золя — инициатор и вдохновитель этого движения — призывал создавать искусство, которое суть «плоть и кровь» художника. «В картине я прежде всего ищу человека, а не картину», — заявлял Золя. Наверное, никто не поддерживал идею значимости биографии так пылко, как Винсент Ван Гог. В 1885 г. он писал: «[Золя]... прекрасно говорит об искусстве: „В картине (произведении искусства) я ищу, я люблю человека-художника“». И никто так жадно не собирал биографии художников, он был поистине всеяден, заглатывая фундаментальные труды о жизни и творчестве, легенды, беседы и даже обрывки слухов. Буквально следуя завету Золя, он пристально вглядывался в каждую картину, пытаясь определить, что за человек стоит за холстом. В 1881 г., в самом начале своей художественной карьеры, он писал: «Всегда, и особенно в тех случаях, когда речь идет о живописи, мой интерес к тому, кто пишет картину, ничуть не меньше интереса к самой картине».

По мнению Винсента, его творчество представляло собой летопись его жизни — летопись даже более правдивую и откровенную (*«насколько [это] глубже — бесконечно глубже»*), чем обильная переписка с родными и друзьями. Он верил, что переполняющие душу художника покой и радость, равно как боль и отчаяние, неминуемо сказываются на его живописи; каждая душевная драма рождает душераздирающий образ; и значит, каждая картина — автопортрет. «Я хочу писать то, что чувствую, и чувствовать то, что пишу».

Этому стремлению Винсент хранил верность до самой смерти, которая наступила через несколько часов после приезда Тео в Овер. Нельзя понять его живопись, не поняв его жизнь. «Мое творчество — это я», — провозгласил Винсент Ван Гог.

Винсент Ван Гог в возрасте 13 лет

Часть первая
РАННИЕ ГОДЫ
1853–1880

ГЛАВА 1

ПЛОТИНЫ И ДАМБЫ

Винсент Ван Гог хранил в памяти обширную коллекцию литературных персонажей и сюжетов. В числе первых значительных его «приобретений» была «История одной матери» Ганса Христиана Андерсена. Всякий раз, оказываясь с детьми, Винсент рассказывал им эту мрачную сказку о любящей матери, которая выбирает для своего ребенка смерть, чтобы не обрекать его на риск несчастливой жизни. Винсент помнил сказку наизусть и умел пересказать на нескольких языках, включая английский, на котором говорил с сильным акцентом. Для того, чья жизнь была полна несчастий, для того, кто вечно искал свое отражение в образах литературы и искусства, андерсеновская сказка о ложно понятой материнской любви, вероятно, имела особое значение; маниакальное ее повторение должно было помочь Винсенту справиться с его собственной тоской, его ранами и травмами.

Анна, мать Винсента, никогда не понимала своего старшего сына. Он не был похож на других детей, и его «странное» поведение не укладывалось в ее глубоко традиционные представления о мире. Его пытливый, неумный ум требовал от нее иной, вовсе не присущей ей проницательности и способности к пониманию и сочувствию. Матери казалось, что сын вечно витает в облаках; сыну мать представлялась слишком ограниченной и нечуткой. Чем дальше, тем больше мать была недовольна Винсентом. Непонимание сменилось раздражением, раздражение — стыдом, а стыд — гневом. К моменту, когда сын повзрослел, мать уже махнула на него рукой. Она ни в грош не ставила его религиозные и художественные поиски, считая их бесполезными метаниями, а беспорядочная жизнь Винсента была для нее равносильна утрате члена семьи. Мать обвиняла сына в том, что он намеренно причиняет боль и страдания родителям. Она

Анна Карбентус

даже не думала хранить его картины и рисунки и относилась к ним как кхламу — множество работ было оставлено при переезде вместе с ненужной мебелью (все его памятные детские вещи она выбросила еще раньше). Не ценила она и те работы, которые Винсент дарил ей впоследствии.

Среди вещей Анны после ее смерти нашли лишь несколько писем и работ Винсента. В последние годы жизни старшего сына (мать пережила его на семнадцать лет) она писала ему все реже и ни разу не навестила в больницу, хотя поездки к другим членам семьи были для нее обычным делом. Даже когда к художнику пришла запоздавшая посмертная слава, мать продолжала считать его искусство нелепым и не жалела о вынесенном вердикте.

Винсент никогда не понимал, почему мать его отталкивает. Иногда он яростно бунтовал против такого отношения, обвинял ее в бессердечии, в том, что любовь ее слишком быстро «скисла». «Поистине... нет более неверующих, жестокосердных и суетных людей, чем священники и — в особенности — их жены», — раздраженно писал Винсент в 1881 г., явно подразумевая родителей. Иногда он корил себя за то, что стал для них «наполовину чужим, наполовину надоевшим», приносящим лишь горе и потери. Но одно оставалось неизменным: Винсент никогда не переставал искать одобрения матери.

В конце жизни он написал ее портрет с фотографии, приложив подходящее стихотворение, в первых строках которого звучал жалобный вопрос: «Кто та, к кому влечет мой дух сквозь холод упреков и мрак клеветы?»

Анна Корнелия Карбентус сочеталась браком с преподобным Теодорусом Ван Гогом безоблачным майским днем 1851 г. в Гааге — колыбели нидерландской монархии и «самом приятном месте на земле». Отвоеванная у морского дна почва содержала смесь песка и глины, идеальную для выращивания цветов. Поэтому в мае Гаага являла собой истинный рай: цветы в несравненном изобилии по обочинам дорог и берегам ка-

налов, в парках и садах, на балконах и верандах, в ящиках на подоконниках и в горшках у порогов, даже на баржах, скользивших по воде. Постоянно испарявшаяся с поверхности каналов и прудов, окруженных тенистыми деревьями, влага «каждое утро словно раскрашивала зелень листвы более яркими красками», — писал один очарованный путешественник.

В день свадьбы дорогу к алтарю усыпали цветочными лепестками и украсили гирляндами из зелени и цветов. Невеста прибыла из дома Карбентусов на канале Принсенграхт в церковь Клостеркерк — драгоценную шкатулку XV в., расположенную в королевском сердце города, на проспекте, осененном тенью липовых деревьев и застроенном величественными домами. Ее экипаж проезжал по улицам, любая из которых могла бы вызвать зависть у жителей задыхающихся от грязи больших европейских городов. В Гааге все блестело и сверкало: чисто вымытые окна, свежешоколадные или заново покрытые лаком двери, начищенные медные кашпо и позолоченные шпили колоколен. «Кажется, даже крыши здесь моют ежедневно», — восхищался один иностранец; а тротуары были ухожены, «как полы в бальной зале». Всякий приезжий, отмечал еще один гость Гааги, «позавидует счастью тех, кто здесь живет».

Анне Карбентус с детства внушили чувство благодарности за подаренную судьбой возможность жить в такое благословенное мирное время в таком благословенном месте, как и чувство страха, что всего этого можно лишиться в одночасье. Она знала: и ее семья, и ее страна в тяжелой борьбе завоевали это благоденствие.

В 1697 г. судьба клана Карбентус висела на волоске: Геррит Карбентус остался единственным представителем рода, пережившего войны, наводнения, пожары и эпидемии предшествующих ста пятидесяти лет. Предки Геррита пали в кровопролитных сражениях Восьмидесятилетней войны (Нидерландской революции) — восстания Семнадцати провинций Нидерландов против жестоких испанских захватчиков. Война началась в 1568 г. с восстания протестантского населения таких городов, как Гаага, и народный бунт обернулся бешеной яростью и жадой разрушения: ненавистных врагов связывали вместе и выкидывали из окон, топили, обезглавливали и жгли. В ответ испанская инквизиция приговорила всех мужчин, женщин и детей в Нидерландах — каждого из трех миллионов ее жителей — к смерти за ересь.

На протяжении восьмидесяти лет на фоне безмятежного нидерландского ландшафта армия билась с армией, религия — с религией, сословие — с сословием, ополчение — с ополчением, сосед — с соседом, идея — с идеей. Очевидец тех событий с ужасом описывал увиденное: «Множество людей висели в разных местах на деревьях, виселицах и любых

перекладах». Повсеместно дома сжигали дотла, целые семьи отправляли на костер, дороги были усеяны трупами.

Время от времени хаос утихал (например, когда нидерландские провинции в 1648 г. провозгласили свою независимость от испанского короля и был объявлен конец войны), но краткое затишье сменяла новая буря. В 1672 г., получившем название *Rampjaar* — «год бедствий», новая смута вспыхнула в тиши опрятных улочек Гааги. Толпы людей устремились в центр города и учинили расправу над бывшими руководителями страны, разорвав их на куски под стенами той самой Клостеркерк, где Анна Карбентус впоследствии будет обвенчана.

Но даже не война и не взрывы народного гнева представляли главную угрозу для рода Карбентус. Геррит Карбентус, как и все его соотечественники, провел жизнь в постоянной опасности погибнуть от наводнения. Та же опасность подстерегала и первых поселенцев, которые начали осваивать эту местность еще во времена последнего ледникового периода. Тогда лагуна в устье Рейна стала заполняться плодородной илистой почвой, слишком привлекательной для обосновавшихся здесь людей, чтобы отступить перед лицом постоянной угрозы природных катаклизмов. Местные жители научились строить дамбы, и тем самым обуздывать море, и рыть каналы для осушения отвоеванных у моря территорий. Изобретение ветряной мельницы повысило эффективность мелиоративных работ, и в период с 1590 по 1740 г. к общей площади страны усилиями жителей удалось прибавить триста тысяч акров, а площадь пахотных земель при этом увеличилась почти на треть. В годы этих головокружительных свершений голландские купцы лидировали в мировой торговле и основывали богатые колонии в другом полушарии, а достижения искусства и науки Голландии XVII в., по праву названного Золотым, по своей значимости сравнимы с итальянским Возрождением.

Но море не сдавалось. Стремясь восторжествовать в битве с непокорной природой, люди на протяжении тысячелетия прилагали колоссальные усилия, но, вопреки им, а подчас именно вследствие этих усилий, наводнения оставались неотвратимыми, как смерть. С пугающей непредсказуемостью морские волны накрывали дамбы или сметали их своим напором, и вода устремлялась вглубь страны по плоским равнинам. Порой море словно раскрывалось и забирало назад отвоеванную у него землю. В 1530 г. за одну ночь бездна поглотила двадцать деревень, о существовании которых наутро напоминали лишь торчащие из воды шпили церквей и плавающие на поверхности туши мертвых животных.

Жизнь здесь была рискованной, и Геррит Карбентус, как все его соотечественники, унаследовал то обостренное чувство близкой опасности,

какое бывает у моряков. Среди тысяч погибших в битве с морем в последней четверти XVII в. был дядя Геррита, который утонул в реке Лек, пополнив список, состоявший из его отца, матери, братьев, сестер, племянников и племянниц и первой жены Геррита со всей ее семьей. Все они погибли до того, как ему исполнилось тридцать лет.

Геррит Карбентус (1697–1756) родился на излете одного исторического катаклизма; его внук, также получивший имя Геррит, появился на свет в начале другого. В 1747 г. улицы нидерландских городов вновь заполнили толпы революционно настроенных граждан. Недовольство правительством, подогретое утопическими идеями Просвещения об идеальном общественном устройстве, привело к новым потрясениям.

Последствия революционного угара пришлось испытать и семье Карбентус, и не где-нибудь, а в собственном доме.

В 1795 г. в Голландию вошли войска новой Французской республики — вошли как освободители, но остались как завоеватели. Солдаты были расквартированы буквально в каждом доме (включая дом Карбентусов), у жителей конфисковали все ценности. Торговля пришла в упадок, купцы и ремесленники один за другим закрывали свои лавки, а цены взлетели до небес. Отец троих детей Геррит Карбентус потерял твердый заработок. Но худшее было впереди. Утром 23 января 1797 г. Геррит вышел из своего дома в Гааге, чтобы отправиться на работу в соседний город. В семь часов вечера его обнаружили на обочине дороги на Рейсвейк — ограбленного и избитого до полусмерти. К тому времени, как его принесли домой, он был уже мертв. Согласно записи в хронике семьи Карбентус, содержащей сведения о жизни нескольких поколений, обезумевшая мать «обняла безжизненное тело и оросила его потоками слез... Такова была кончина нашего драгоценного сына».

После смерти Геррита Карбентуса осталась его беременная жена с тремя детьми. Одним из них был пятилетний Виллем — дед художника Винсента Виллема Ван Гога.

С крахом наполеоновской империи пришел конец французской оккупации. В политике, религии, науке и искусствах воцарилась умеренность: опасаясь новой бури и желая любой ценой сохранить недавно обретенную стабильность, граждане нового государства беспрекословно подчинились неписаному правилу держаться безопасной позиции. «Страх революции вызвал подъем реакционных настроений», — писал один хроникер, «самодовольство и национальное чванство» стали определяющими характеристиками эпохи.

В то время как страна возрождалась после долгой череды потрясений, Виллем Карбентус, преодолевая последствия семейной трагедии, мето-

лично строил свою жизнь. В двадцать три года он женился и в последующие двенадцать лет стал отцом девяти детей, среди которых — редкое счастье — не было ни одного мертворожденного. Удача сопутствовала Виллему и в делах. Подъем национального самосознания вызвал спрос на книги голландских авторов. Повсюду от Амстердама до самой захудалой деревушки создавались общества популяризации чтения, и на собраниях участники читали все подряд — от классической литературы до технических руководств. Воспользовавшись удобным случаем, кожевник Виллем занялся переплетным делом и открыл лавку в главном торговом районе Гааги на улице Спёйстрат. В течение трех последующих десятилетий его фирма превратилась в процветающий бизнес — доходов хватало на содержание большой семьи, которая жила здесь же, в квартире на втором этаже. В 1840 г. в поисках переплетчика для последнего варианта Конституции, после долгих споров наконец принятой, правительство обратилось к Виллему Карбентусу, который с этого момента стал рекламировать себя в качестве королевского переплетчика.

Возрождение через умеренность и конформизм благотворно влияло на жизнь страны в целом и Виллема в частности. Но были и те, для кого вновь обретенное благоденствие мало что значило. Вторая дочь Виллема Клара страдала «эпилепсией» — тогда этим словом называли все, что касалось непознанной сферы душевных и нервных расстройств. Судя по всему, она так и не вышла замуж, а семья, как того требовали приличия, всячески отрицала ее болезнь. Лишь много позже этот факт признал ее племянник, художник Винсент Ван Гог. Сын Виллема Йоханнус, согласно уклончивой формулировке его сестры, «не пошел в жизни по правильной дороге» и впоследствии покончил с собой. В конце концов не устоял и сам преуспевший в жизни Виллем. В 1845 году в возрасте пятидесяти трех лет он умер «от душевной болезни», о чем с редкой откровенностью свидетельствует семейная хроника. В официальных же документах причина смерти сформулирована обтекаемо: «катаральная лихорадка» — болезнь крупного рогатого скота, которая периодически косила животных, но никогда не передавалась человеку. Основанием для диагноза могли послужить сходные симптомы: перевозбуждение и следующие за ним судороги, пена изо рта и смерть.

Свидетель всего этого средняя дочь Виллема Анна научилась воспринимать жизнь с опаской. Со всех сторон надвигались силы, способные отбросить семью обратно в состояние хаоса, из которого им только-только удалось выкарабкаться: так море поглощало голландские деревни — внезапно и безвозвратно. Детство Анны прошло в атмосфере страха и покорности судьбе. Она была твердо уверена: жизнь и счастье

никто не гарантировал, а потому нельзя терять бдительность. По ее собственному признанию, в мире полно «забот и неприятностей», и, конечно, «разочарованиям не будет конца», и только глупцы требуют от жизни «слишком многого». Надо просто научиться терпеть и понять, что «никто не идеален», что «желания никогда не исполняются полностью», а любить людей следует «несмотря на их недостатки». Человеческая природа в особенности внушала ей недоверие — слишком она стихийна, вечно грозит вырваться из узды. «Если бы мы могли беспрепятственно, безнаказанно и незаметно делать все, что нам хочется, — предостерегала она своих детей, — разве не отклонялись бы мы все дальше от праведного пути?»

Такой безрадостный взгляд на вещи Анна сохранила на всю жизнь. Отношения ее с семьей и друзьями были лишены даже намек на иронию или веселость, она легко впадала в меланхолию и без конца изводила себя по самому ничтожному поводу, во всем находя предлог для уныния и тревоги. Любовь, как известно, проходит, любимые — умирают. Когда муж оставлял ее одну даже ненадолго, она терзала себя мыслями о его смерти. Описывая собственную свадьбу, рассказывая о цветочном убранстве и веселых поездках по лесу, Анна все время возвращается мыслями к больному родственнику, который не смог приехать. «Свадебные празднества, — заключает она, — сопровождалась великой печалью».

Чтобы держать темные силы в узде, Анна исступленно занимала себя. В раннем детстве она научилась вязать и, согласно семейной хронике, всю жизнь со страшной скоростью стучала спицами. Она неутомимо писала письма, беспорядочно строя фразы и снабжая их многочисленными ремарками, — свидетельство все того же бешеного бега в никуда. Анна умела играть на пианино. Читала она, потому что «это занимает время и уводит мысли в другую сторону». Стремясь ни минуты не сидеть без дела, Анна настойчиво призывала детей следовать ее примеру. «Заставляй себя отвлекаться на другие вещи», — советовала она одному из них в качестве средства от уныния. (И судя по тому, что старший сын Анны стал едва ли не самым плодовитым и подверженным депрессии художником в истории, он усвоил материнские уроки даже слишком хорошо.) Перепробовав все прочие средства вернуть себе душевный покой, Анна принималась яростно наводить чистоту. «Дражайшая матушка занята уборкой, — писал ее муж, осторожно выражая сомнение относительно эффективности ее стратегии, — но беспрерывно думает и беспокоится обо всех».

Прекрасным способом «занять руки» была живопись. Вместе с одной (как минимум) из сестер, Корнелией, Анна Карбентус училась рисовать и писать акварелью. Подобное времяпрепровождение вошло в моду в среде

новой буржуазии как полезное и необременительное занятие. Как и большинству художниц-любительниц того времени, Анне особенно нравилось изображать цветы: букетики фиалок, душистый горошек, гиацинты, незабудки. Светское увлечение сестер Карбентус мог поощрять их эксцентричный дядя Херманус, который (по крайней мере, некоторое время) называл себя художником. Живым примером для барышень Карбентус, вероятно, служили представители чуждой условностям артистической семьи Бакхюйзен. Сестры были вхожи в их дом, и с каждым визитом Анна все больше погружалась в мир искусства. Глава семьи известный художник-пейзажист Хендрик Бакхюйзен давал уроки не только своим детям, двое из которых также стали заметными художниками, и (вероятно) сестрам Карбентус — через его мастерскую прошли многие начинающие живописцы. Впоследствии его бывшие ученики основали новое, подчеркнуто голландское направление в искусстве — гаагскую школу живописи. Примерно через тридцать пять лет после того, как Анна Карбентус предположительно брала уроки у Хендрика Бакхюйзена, отправной точкой стремительной и бурной художественной карьеры ее старшего сына стало именно наследие гаагской школы.

Боязливая по натуре Анна, как нетрудно предположить, с юных лет нашла прибежище в религии.

Помимо неизбежных ритуалов вроде крестин и свадеб, религия упоминается в хронике семьи Карбентус относительно нечасто. Когда в 1795 г. французская армия вошла в Гаагу, автор записи о бесчинствах расквартированных солдат и конфискации семейного золота и серебра усматривает в этих бедах «Божье испытание». Два года спустя, когда Геррит Карбентус имел несчастье в одиночку столкнуться с разбойниками на дороге в Рейсвейк, летописец пускается в благочестивые причитания: «Господь милосердный, дай нам силы смиренно принять волю Твою». В подобных воззваниях вся суть религиозного чувства, порожденного годами смуты, и семья Карбентус не была исключением: измученные невзгодами люди с ужасом осознали последствия хаоса и, больше не уповав на религию, которая призывает под свои знамена всех верных, обратились к той, что дает надежду убоявшимся. Анна так формулировала скромное назначение этой новой веры: «оберегать, поддерживать и утешать».

С годами житейские бури усиливались, и Анна с растущим отчаянием искала убежища в религии. Малейший признак неблагополучия в ее собственной жизни или проступок кого-то из ее детей неминуемо провоцировали очередной приступ набожности. Любое событие, изменяющее плавное течение повседневной жизни, от школьных экзаменов до устройства на работу, служило поводом для проповеди, и Анна без уста-

ли зывала к Его милости и Его снисхождению. «Дай Бог тебе сохранить честность», — писала она сыну Тео, когда тот получил повышение по службе. Она зывала к Богу с мольбой уберечь детей от всего на свете: от плотских искушений, от непогоды, бессонницы и кредиторов.

Но особенно усердно Анна просила Господа спасти и сохранить ее от темных сил души. Несмотря на то что Анна не уставала повторять, какое утешение приносит ей вера, единственная поддержка, которую она (как и Винсент впоследствии) обретала в религии, заключалась в привычке заученно твердить эти бесконечные заклинания.

Во всем — и в жизни, и в религии — Анна инстинктивно стремилась обрести под ногами твердую почву. «Учись жить, как живут нормальные люди», — наставляла она своих детей, внушая им необходимость идти по жизни «прямым путем». В обществе, едва оправившемся после исторических потрясений и потому превыше всего ценившем и часто директивно насаждавшем конформизм, «нормальность» была идеалом, к которому стремились буквально все. Манеры, образ жизни, круг чтения и даже диеты молодой голландке из хорошей семьи диктовал обычай, поэтому пресловутая «нормальность» была для нее священным долгом. И мало кто исполнял свой долг так прилежно, как Анна Карбентус.

Неудивительно, что к 1849 г., когда незамужней Анне исполнилось тридцать, она чувствовала острую необходимость найти супруга. Все ее братья и сестры, за исключением страдавшей «эпилепсией» Клары, непутевого Йоханнуса и младшей Корнелии, уже обзавелись семьями. Утешением Анне мог служить лишь пример одной из ее кузин — та пробыла в девушках до тридцати одного года, а затем вышла замуж за вдовца: в таких случаях это считалось вполне благоприятным исходом. Но слишком серьезной, без чувства юмора, некрасивой, да к тому же еще и рыжеволосой Анне была, казалось, уготована судьба похуже — остаться старой девой.

В марте 1850 г. сокрушительный удар нанесла сестре Корнелия, которая была моложе Анны на десять лет. Она объявила о своей помолвке с преуспевающим гаагским торговцем гравюрами по фамилии Ван Гог. Он жил в комнатах над своей галереей на Спёйстрат, неподалеку от мастерской Карбентуса. Однако, по счастливому совпадению, у ее жениха был брат Теодорус, священник двадцати восьми лет, которому никак не удавалось найти себе жену. Три месяца спустя Теодорусу и Анне устроили встречу. Теодорус (в семье его звали Дорус) оказался худым и симпатичным, с правильными, хорошо очерченными чертами лица и с уже заметной проседью в светлых, песочного цвета, волосах. В отличие от своего вальяжного брата он производил впечатление человека тихого и неуверенного в себе. Жил Теодорус вдали от королевского великолепия Гааги,

ВАН ГОГ. ЖИЗНЬ

в Грот-Зюндерте — небольшой деревушке близ границы с Бельгией. Но все это не имело никакого значения — жених происходил из приличной семьи, а надеяться на то, что за этим предложением последуют другие, в положении Анны было бы верхом глупости. Анна и Теодорус с одинаковым нетерпением ждали вступления в брак, поэтому почти сразу после знакомства последовало объявление об их помолвке.

21 мая 1851 г. Теодорус Ван Гог и Анна Карбентус сочетались браком в церкви Клостеркерк. После церемонии новобрачные отбыли в Грот-Зюндерт, на католический юг. Впоследствии Анна вспоминала свои чувства накануне свадьбы: «Невеста несколько беспокоилась, каким будет ее будущий дом».

Найфи С., Уайт-Смит Г.

Н20 Ван Гог. Жизнь : в 2 т. Т. 1 / Стивен Найфи, Грегори Уайт-Смит ; пер. с англ. О. Якименко, Е. Желтовой ; под ред. А. Щениковой-Архаровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 768 с. + цв. вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-11785-3 (т. 1)

ISBN 978-5-389-06935-0 (комплект)

Избрав своим новым героем прославленного голландского художника, лауреаты Пулицеровской премии Стивен Найфи и Грегори Уайт-Смит, по собственному признанию, не подозревали, насколько сложные задачи предстоит решить биографам Винсента Ван Гога в XXI веке. Более чем за сто лет о жизни и творчестве художника было написано немыслимое количество работ, выводы которых авторам новой биографии необходимо было учесть или опровергнуть. Благодаря тесному сотрудничеству с Музеем Ван Гога в Амстердаме Найфи и Уайт-Смит получили свободный доступ к редким документам из семейного архива, многие из которых и по сей день оставались в тени знаменитых писем самого Винсента Ван Гога. Опубликованная в 2011 году, новая фундаментальная биография «Ван Гог. Жизнь», работа над которой продлилась целых 10 лет, заслужила лестные отзывы критиков. Захватывающая, как роман XIX века, эта исчерпывающе документированная история о честолюбивых стремлениях и достигнутом упорным трудом мимолетном успехе теперь и на русском языке.

УДК 7.07

ББК 85

Литературно-художественное издание

СТИВЕН НАЙФИ, ГРЕГОРИ УАЙТ-СМИТ

ВАН ГОГ. ЖИЗНЬ

В двух томах

ТОМ 1

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редакторы Анна Щеникова-Архарова, Елена Адаменко,
Татьяна Шушлебина, Наталия Роговская

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ольги Варламовой

Корректоры Ирина Киселева, Наталья Бобкова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.04.2019. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 49 (вкл. вклейки).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-AAT-19812-02-R